

Активная Сторона Бесконечности

Автор:

Карлос Кастанеда

Активная Сторона Бесконечности

Карлос Сезар Арана Кастанеда

В этой книге кроме бесед с доном Хуаном и магической работы есть то, чего не было в предыдущих, – жизнь и работа дома, в Лос-Анджелесе, в обстановке совсем не магической.

Есть здесь и совершенно ошеломляющая информация. Почему мы не можем быть тем, чем мы являемся в действительности, – всемогущими магическими существами? Причина в том, что нашу энергию осознания пожирают неорганические существа-хищники, «летуны». Свобода – в силе безмолвия. Как обрести ее?

Карлос Кастанеда

Активная сторона Бесконечности

Carlos Castaneda

The Active Side of Infinity

© 1998 by Laugan Productions

© ООО Издательство «София», 2014

* * *

Эта книга посвящается двум ученым, благодаря которым я вначале почувствовал желание, а затем обрел способность заниматься полевыми антропологическими исследованиями, – профессорам Клементу Мейгану и Хэролду Гарфинкелю.

Следуя их советам, я с головой окунулся в полевую ситуацию, из которой не вынырнул уже никогда. Если я нарушил дух и букву их наставлений, ну что ж... Я ничего не мог с собой поделать. Прежде чем я успел выдвинуть четкие «общественнонаучные» формулировки, меня поглотила огромная сила, которую шаманы называют Бесконечностью.

Предисловие

Синтаксис

Человек всмотрелся в свои уравнения и заявил, что Вселенная имела начало.

В начале был взрыв, сказал он, назовем его «Большой Взрыв», так и родилась Вселенная.

И она расширяется, сказал человек.

Он даже вычислил продолжительность ее жизни: десять миллиардов обращений Земли вокруг Солнца.

И весь мир был счастлив; все решили, что его вычисления – это и есть наука.

Никому не пришло в голову, что, предположив, что Вселенная имела начало, этот человек просто следовал синтаксису своего языка, – синтаксису, который

требует начал вроде рождения, развитий вроде созревания и завершений вроде смерти.

Так утверждается реальность.

Вселенная когда-то началась, а теперь она стареет, заверил нас тот человек.

И она умрет, как умирает все, как умер он сам, после того как подтвердил математически синтаксис своего родного языка.

Синтаксис иного типа

Действительно ли Вселенная имела начало?

Верна ли теория Большого Взрыва?

Это – не вопросы (несмотря на вопросительный знак).

Является ли синтаксис, который для утверждения реальности требует начал, развитий и завершений, единственным существующим синтаксисом?

Вот это – настоящий вопрос.

Есть другие синтаксисы.

Есть такой, например, который требует, чтобы различные варианты интенсивности принимались как факт.

В этом синтаксисе ничто не начинается и ничто не заканчивается; рождение – не четко выделенное событие, а лишь особый тип интенсивности, как и созревание, и смерть.

Человек такого синтаксиса, просматривая свои уравнения, обнаруживает, что он вычислил достаточно много вариантов интенсивности, чтобы авторитетно заявить:

Вселенная никогда не начиналась и никогда не закончится, но она прошла, и проходит сейчас, и еще пройдет через бесконечные колебания интенсивности.

Этот человек вполне мог бы заключить, что сама Вселенная является колесницей интенсивности и на ней можно мчаться сквозь бесконечные перемены.

Он мог бы прийти к этому выводу, и ко многим другим, пожалуй, даже не осознавая, что он лишь подтверждает синтаксис своего родного языка.

Введение

Эта книга является своего рода коллекцией памятных событий моей жизни. Я начал собирать их, следуя совету дона Хуана Матуса, шамана родом из индейского племени яки. Он был моим учителем и в течение тринадцати лет пытался сделать доступным для меня мир знания шаманов, которые жили в Мексике с древних времен. Дон Хуан предложил мне собирать коллекцию интересных случаев – и сделал это как бы мимоходом, словно подобная мысль только что пришла ему в голову. Но таков уж был его стиль обучения. Он предпочитал скрывать важность некоторых своих маневров, маскируя их под вполне безобидные мирские действия. Я думаю, что он защищал меня от жгучей боли окончательности, представляя все это как обычные явления повседневной жизни.

Со временем дон Хуан открыл мне, что шаманы Древней Мексики считали такое собирание памятных событий отличным способом расшевелить тайники энергии, заблокированные в нашем «я». Он объяснил, что такие тайники состоят из энергии, которая возникает в самом теле, а затем вытесняется, выталкивается за пределы досягаемости обстоятельствами нашей повседневной жизни и становится недоступной. В этом смысле собирание памятных событий было для дона Хуана и шаманов его линии средством перемещения этой неиспользуемой

энергии.

Необходимой предпосылкой такого собирания является акт добросовестного и искреннего сведения воедино всех связанных с событием эмоций и постижений. Ничто не должно быть упущено. Как сказал дон Хуан, шаманы его линии были убеждены, что собирание памятных событий помогает выполнить эмоциональную и энергетическую настройку, действительно необходимую для осознанного восприятия рискованного путешествия в неведомое.

Дон Хуан описал конечную цель своего шаманского знания как подготовку ко встрече лицом к лицу с окончательным путешествием – тем путешествием, которое каждому человеку приходится предпринимать в конце своей жизни. Он сказал, что благодаря дисциплине и решимости шаманы были способны сохранять свое индивидуальное осознание и помнить о своей цели даже после смерти. Для них то, что современный человек называет «жизнь после смерти», было не туманным бестелесным состоянием, а очень конкретным миром, до краев наполненным практической деятельностью иного порядка, чем практическая деятельность повседневной жизни, – но тоже весьма практической и функциональной. Дон Хуан считал, что собирание памятных событий своей жизни было для шаманов подготовкой к вхождению в ту конкретную сферу, которую они называли активной стороной бесконечности.

Однажды утром мы с доном Хуаном беседовали, сидя под крышей его рамады, чего-то вроде веранды, – это хрупкое сооружение из жердей с редким навесом из прутьев, который дает тень, но не защищает от дождя. Под навесом было несколько небольших крепких упаковочных ящичков, которые служили сиденьями. Надписи на ящиках поблекли и скорее походили на полустертые орнаменты, чем на обозначение их содержимого. На одном из таких ящичков я и сидел, прислонившись спиной к фасаду дома. Дон Хуан сидел на другом ящичке, прислонившись к подпорному шесту рамады. Я приехал на своей машине всего несколько минут назад. Целый день просидел за рулем – в такую жаркую, влажную погоду! Я потел, нервничал и ерзал.

Как только я удобно устроился на ящичке, дон Хуан начал разговор. Широко улыбаясь, он заметил, что люди, страдающие избыточным весом, просто не знают, как бороться с ожирением. Что-то в изгибе его губ подсказало мне, что это не просто шутка о тяготах дальних поездок на автомобиле. Камешек был явно в мой огород: под видом шутки дон Хуан самым что ни на есть открытым текстом заявил мне, что я растолстел.

Я так разнервничался, что непроизвольно дернулся на своем ящике и сильно ударился спиной о тонкую стену дома. Этот удар потряс дом до самого фундамента. Дон Хуан вопросительно посмотрел на меня, но вместо того, чтобы спросить, все ли со мной в порядке, он заверил меня, что я не сломал его дом. Затем он стал пространно объяснять, что этот дом – лишь его временное обиталище, а вообще-то он живет в другом месте. Когда я спросил его, где же он живет на самом деле, он долго смотрел на меня. Его взгляд не был враждебным, но, как мне показалось, давал понять, что я сказал что-то бестактное. Я не понял, в чем тут дело, и решил было повторить свой вопрос, но дон Хуан остановил меня.

– Здесь такие вопросы не задают, – сказал он жестко. – Спрашивай что хочешь о методах или идеях. Когда я буду готов сообщить тебе, где я живу, – если вообще буду, – я скажу сам, не дожидаясь твоих вопросов.

Я почувствовал себя отвергнутым и покраснел от обиды. Неудержимый хохот дон Хуана только подлил масла в огонь. Он не просто отказался ответить на мой вопрос; он меня оскорбил, а теперь еще и смеялся надо мной!

– Я живу здесь временно, – продолжал между тем дон Хуан, не обращая внимания на мое окончательно испорченное настроение, – потому что это особый магический центр. Фактически, я живу здесь ради тебя.

Заявление было обескураживающим. Я не мог этому поверить. Может, он так говорит просто для того, чтобы загладить обиду?

– Ты действительно живешь здесь ради меня? – спросил я наконец, не в силах сдержать любопытство.

– Да, – сказал он спокойно. – Я должен воспитывать[1 - Здесь: to groom – ходить за лошадью, чистить лошадь, ухаживать, холить (англ.); готовить к определенного рода деятельности (амер.). – Прим. ред.] тебя. Ты – такой же, как я. Сейчас я повторю тебе то, что уже говорил раньше: задача каждого Нагваля в каждом поколении магов заключается в том, чтобы найти нового мужчину или женщину, которые, как и он сам, имели бы двойную энергетическую структуру. Я увидел такую структуру у тебя на автобусной станции в Ногалесе. Когда я вижу твою энергию, я вижу два наложенных друг на друга светящихся шара – один над другим. Это и есть то качество, которое связывает меня с тобой. Я не могу

отвергнуть тебя, как и ты не можешь отвергнуть меня.

Его слова подействовали на меня самым странным образом. Если только что я злился, то теперь мне хотелось плакать.

Дон Хуан сказал, что он хотел помочь мне идти по пути воинов, как это называют маги, при поддержке силы того места, где он жил. Место это – центр очень сильных эмоций и влияний. Здесь тысячелетиями жили воины, пропитав саму землю своим отношением к битве.

В то время дон Хуан жил в северомексиканском штате Сонора, примерно в ста милях к югу от города Гуаймас. Когда этого требовала моя полевая работа, я всегда ездил туда, чтобы повстречаться с ним.

– Неужели мне нужно вступать в битву, дон Хуан? – спросил я, не на шутку встревоженный его заявлением, что однажды и мне потребуется собственное «отношение к битве». Я уже научился принимать все, что он говорит, с предельной серьезностью.

– Можешь в этом не сомневаться, – ответил он с улыбкой. – Когда ты впитаешь в себя все, что можно впитать в этом месте, я смогу уйти отсюда.

У меня не было никаких оснований сомневаться в его словах, но я как-то не мог себе представить, чтобы дон Хуан куда-то ушел из этих мест. Он был неотъемлемой частью всего того, что его окружало. Но дом его и впрямь выглядел временным жилищем. Это была лачуга, типичная для земледельцев-яки: фактически, просто обмазанный глиной плетень с плоской соломенной крышей. В доме была одна большая комната – столовая, она же и спальня, – и пристройка-кухня без крыши.

– Очень трудно иметь дело с людьми, имеющими лишний вес, – сказал дон Хуан.

Мне это показалось не слишком уместным. Но дон Хуан просто вернулся к той теме, с которой я его сбил, толкнув спиной стену его хижины.

– Минуту назад ты ударил мой дом, как стенобитный шар, – сказал он, медленно покачивая головой из стороны в сторону. – Какой удар! Удар, достойный такого

упитанного человека.

Меня задело, что он говорит обо мне так, словно на мне можно уже поставить крест. Я немедленно занял оборонительную позицию. Дон Хуан, ухмыляясь, выслушал мои бессвязные объяснения о том, что для такой костной структуры у меня совершенно нормальный вес.

– Да конечно, конечно, – согласился он примирительно. – У тебя большие кости. Ты, наверное, с легкостью мог бы носить на себе еще тридцать фунтов веса, и никто, я тебя уверяю, не заметил бы этого. Я бы, например, не заметил.

Но его ехидная усмешка ясно давала понять, что он продолжает издеваться надо мной. Затем он спросил, как мое здоровье вообще, и я начал рассказывать о своем здоровье, отчаянно пытаюсь предотвратить любые дальнейшие комментарии по поводу моего веса. Но дон Хуан сам сменил тему.

– А как поживают твои странности и причуды? – спросил он вдруг со смертельной серьезностью.

Чувствуя себя последним идиотом, я ответил, что с ними все в порядке. «Странностями и причудами» он именовал мой интерес к собирательству. В то время я как раз с новым пылом предавался своей старой страсти – коллекционированию всего, что только можно коллекционировать. Я собирал журналы, марки, пластинки, реликвии Второй мировой – штыки, каски, флаги и тому подобное.

– Насчет моих причуд, дон Хуан, могу тебе сказать только одно: я пытаюсь распродать свои коллекции, – сказал я с видом мученика, которого заставляют сделать что-то совершенно невыносимое.

– Быть коллекционером не столь уж плохая идея, – ответил дон Хуан с таким видом, словно действительно так считал. – Все дело в том, что именно коллекционировать. Ты собираешь всякий мусор, никому не нужные предметы, которые поработают тебя так же сильно, как и твоя любимая собака. Ты не можешь просто так взять и уехать по своим нуждам, если у тебя есть собака, за которой ты должен ухаживать, или коллекции, о которых ты будешь постоянно беспокоиться.

– Я на самом деле ищу покупателей, дон Хуан, честное слово, – запротестовал я.

– Нет-нет, не думай, что я тебя в чем-то обвиняю, – ответил он. – Наоборот, мне нравится твой дух коллекционера. Мне просто не нравятся твои коллекции, вот и все. Я бы предложил тебе коллекционировать кое-что действительно стоящее.

Дон Хуан сделал долгую паузу. Казалось, он то ли подыскивает нужные слова, то ли драматически разыгрывает хорошо скрываемое сомнение. Он взглянул на меня глубоким, проницательным взглядом.

– Каждый воин должен собрать особый альбом, – заговорил он наконец, – альбом, раскрывающий его личность; альбом, который фиксирует обстоятельства его жизни.

– Почему ты называешь это коллекцией, дон Хуан? – заспорил я. – И этот альбом, зачем он?

– Это именно коллекция, – отрезал дон Хуан. – И больше всего это похоже на альбом с фотографиями, сделанными с памяти, фотографиями воспоминания памятных событий.

– Эти «памятные события» памяты в каком-то особом смысле? – спросил я.

– Они таковы, потому что обладают особым значением в твоей жизни, – сказал дон Хуан. – Я предлагаю тебе собрать такой альбом, поместив в него полный отчет о различных событиях, которые имели для тебя особое значение.

– Каждое событие в моей жизни имело для меня особое значение, дон Хуан! – заявил я убежденно и тут же почувствовал неловкость от того, как высокопарно это прозвучало.

– Не каждое, – ответил он, улыбаясь и явно наслаждаясь моей реакцией. – Далеко не все события в твоей жизни имели для тебя такое уж большое значение. Было несколько таких, которые, мне кажется, изменили кое-что для тебя, осветили твой путь. Обычно события, которые изменяют наш путь, являются одновременно и безличными, и глубоко личными.

– Я не стараюсь казаться сложнее, чем я есть, дон Хуан, но, поверь мне, все, что со мной происходило, соответствует этим параметрам, – сказал я, прекрасно зная, что лгу.

Сразу же после того, как я сделал это заявление, мне захотелось извиниться, но дон Хуан просто не обратил на него никакого внимания.

– Не относись к этому альбому как к мешанине из банальных переживаний твоей жизни, – продолжал он как ни в чем не бывало.

Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытался успокоиться. Снова и снова я сталкивался с одной и той же неразрешимой проблемой: мне совершенно не нравились эти мои визиты к дону Хуану. В его присутствии я постоянно чувствовал какую-то угрозу. Он постоянно придирался ко мне и не оставлял никакой возможности показать мои сильные стороны. Мне надоело терять лицо всякий раз, как я открываю рот; мне надоело чувствовать себя дураком.

Но где-то внутри меня прозвучал и другой голос, донесшийся из самых глубин, далекий, почти неслышный. В пылу своего внутреннего диалога я услышал, как кто-то сказал, что мне уже слишком поздно поворачивать назад. Это на самом деле был не мой голос и не мои мысли; кто-то неведомый говорил, что я зашел слишком далеко в мир дона Хуана и теперь он нужен мне больше, чем воздух.

Говори что хочешь, – казалось, шептал мне этот голос, – но, не будь ты таким эгоистичным, ты бы так сильно не расстраивался.

– Это голос твоего другого сознания, – произнес дон Хуан, словно читая мои мысли.

Мое тело непроизвольно подпрыгнуло. Мой страх был так велик, что на глаза навернулись слезы. Я, как на исповеди, рассказал дону Хуану о том, что меня беспокоило.

– Твой конфликт вполне естествен, – сказал он, – и, поверь мне, я не стараюсь его обострить. Мне это не свойственно. Но я могу рассказать тебе несколько историй о том, как мой учитель, нагваль Хулиан, проделывал это со мной. Я ненавидел его всем своим существом. Я был очень молод, и я видел, как его обожали женщины. Они просто преклонялись перед ним, а когда я пытался

просто поздороваться с ними, они набрасывались на меня, как львицы, готовые загрызть. Меня они смертельно ненавидели, а его – любили. Каково, по-твоему, мне было?

– И как ты справился с этим конфликтом, дон Хуан? – спросил я с неподдельным интересом.

– Ни с чем я не справился, – заявил он. – Этот конфликт был результатом сражения между двумя моими сознаниями. У каждого из нас, людей, есть два сознания. Одно полностью наше и похоже на тихий голос, который всегда несет в себе мир, порядок, смысл. Другое сознание – это нечто встроенное извне. Оно приносит нам конфликты, внутренние споры, сомнения, чувство безнадежности.

Я был так поглощен своими собственными ментальными процессами, что совершенно не уловил сказанного доном Хуаном. Пожалуй, я мог бы в точности воспроизвести его слова, но они не имели для меня никакого смысла. Дон Хуан спокойно, глядя мне прямо в глаза, повторил все то, что он только что сказал. И снова я не смог понять смысла его слов. Мое внимание не фокусировалось.

– Не пойму, в чем тут дело, дон Хуан, но я не могу сосредоточиться на том, что ты мне говоришь, – неохотно признался я.

– А вот я очень хорошо понимаю, почему ты не можешь, – сказал он, широко улыбаясь. – Поймешь когда-нибудь и ты, сразу же, как только разберешься: нравлюсь я тебе или нет. В тот самый день, когда ты перестанешь быть центром мира – я-я-я. Ну а пока что давай отложим вопрос о наших двух сознаниях и вернемся к идее твоего альбома памятных событий. Я должен добавить, что составление такого альбома – это упражнение на дисциплину и беспристрастность. Можешь также считать его сценой битвы.

Утверждение дон Хуана – о том, что конфликт моей любви и нелюбви к нему закончится, как только я откажусь от своего эгоцентризма, – для меня ничего не значило. Собственно, оно лишь еще больше расстроило и разозлило меня. И когда дон Хуан сказал об альбоме как о сцене битвы, я набросился на него со всем накопившимся ядом.

– Уже саму идею коллекции событий трудно понять, – заявил я протестующим тоном, – но то, что ты называешь ее «альбомом», который к тому же является

«сценой битвы», – это уж слишком. Слишком туманно. Твои метафоры лишены всякого смысла.

– Странно! По мне, так как раз наоборот, – спокойно ответил дон Хуан. – Для меня в том, что такой альбом является сценой битвы, содержится бездна смысла. Я бы не хотел, чтобы мой альбом памятных событий был чем-нибудь другим, кроме сцены битвы.

Я хотел продолжать отстаивать свою точку зрения, собираясь объяснить ему, что понимаю идею альбома памятных событий. Я возражал лишь против того, что дон Хуан так запутанно ее излагает. В то время я считал себя сторонником ясности и функциональности в использовании языка. Дон Хуан воздержался от комментариев по поводу моего воинственного настроения. Он лишь покивал головой, как бы полностью соглашаясь со мной. И тут произошло что-то непонятное.

Не то у меня совершенно иссякла энергия, не то, наоборот, гигантская волна энергии подхватила меня. Совершенно неожиданно, помимо воли я осознал бессмысленность своих протестов. Мне стало стыдно.

– Что заставляет меня вести себя именно так? – честно спросил я дона Хуана.

Моему смущению не было предела. Потрясение было так велико, что у меня вдруг потекли слезы.

– Не беспокойся о глупых мелочах, – сказал дон Хуан успокаивающе. – Все мы такие, и мужчины, и женщины.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что мы по природе мелочны и противоречивы?

– Нет, мы не мелочны и не противоречивы, – ответил он. – Наша мелочность и противоречивость – это скорее результат трансцендентального конфликта, под влиянием которого мы все находимся. Но только маги болезненно и безнадежно осознают его. Это конфликт двух сознаний.

Дон Хуан сверлил меня взглядом; его глаза были как два черных уголька.

– Ты все время говоришь мне об этих двух сознаниях, – сказал я, – но мой мозг не может усвоить то, что ты говоришь. Почему?

– В свое время ты поймешь почему, – ответил он. – А пока достаточно будет, если я еще раз повторю тебе то, что уже говорил о двух сознаниях. Одно из них – наше истинное сознание, продукт всего нашего жизненного опыта; то сознание, которое редко говорит, потому что оно побеждено и подавлено до полного затмения. Другое сознание, которое мы используем ежедневно во всем, что мы делаем, встроено в нас извне.

– По-моему, сама концепция сознания как «чужеродного устройства» настолько дикая, что мой ум отказывается принимать ее всерьез, – сказал я и почувствовал, что совершил настоящее открытие.

Дон Хуан как будто не слышал моих слов. Он продолжал объяснять свою идею двух сознаний.

– Чтобы разрешить конфликт двух сознаний, нужно намереваться сделать это, – сказал он. – Маги призывают намерение, произнося слово «намерение» вслух, громко и ясно. Намерение – это сила, существующая во Вселенной. Когда маги призывают намерение, оно приходит к ним и прокладывает путь для достижения цели. Это значит, что маги всегда выполняют то, что они решают сделать.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что маги получают все что хотят, даже если это нечто мелкое, обычное и произвольное? – спросил я.

– Нет, я вовсе не это имею в виду. Намерение, конечно, можно призывать для чего угодно, – ответил он, – но маги дорогой ценой выяснили, что намерение приходит к ним лишь для чего-то абстрактного. Это «предохранительный клапан магов»; иначе они были бы просто невыносимы. В твоём случае призывать намерение, чтобы разрешить конфликт двух твоих сознаний или чтобы услышать голос твоего истинного сознания, – это отнюдь не мелкое, произвольное или обычное дело. Наоборот, это высокая и абстрактная задача, и она жизненно важна для тебя!

Дон Хуан сделал небольшую паузу и снова заговорил об альбоме.

– Мой собственный альбом, будучи сценой битвы, требовал сверхзаботливого подхода к отбору материала, – сказал он. – И сейчас он представляет собой полное собрание незабываемых моментов моей жизни и всего того, что подводило меня к ним. Я сконцентрировал в своем альбоме все, что было и будет иметь для меня значение. Я считаю, что альбом война должен быть максимально конкретным и ошеломляюще точным.

Я пока не улавливал, чего хочет дон Хуан от меня, но слова его стал понимать очень хорошо. Он посоветовал, чтобы я сел в одиночестве и позволил мыслям и воспоминаниям свободно приходить ко мне. Мне нужно было попытаться позволить голосу из глубины говорить со мной и подсказать мне, что именно нужно выбрать. После этого я должен был уйти в дом и лечь на кровать. Мое ложе в доме дон Хуана было сделано из деревянных ящиков, а матрасом служило несколько дюжин пустых джутовых мешков. Хотя все мое тело и болело с непривычки после сна на такой постели, на самом деле она была очень удобной. Я принял его предложение близко к сердцу и начал думать о прошлом, припоминая события, которые оставили след в моей жизни. Вскоре я понял, как глупо было заявлять, что все события моей жизни были в равной степени важными. Пытаясь заставить себя вспоминать, я обнаружил, что не знаю даже, с чего начать. Через мое сознание текли бесконечные несвязные мысли и воспоминания о разных случавшихся со мной событиях, но я никак не мог решить, насколько они для меня важны. Создавалось даже впечатление, что вообще все было не слишком важным. Похоже было на то, что я прошел сквозь жизнь, как труп, – ходячий и говорящий, но абсолютно ничего не чувствующий. К тому же мне было все труднее концентрироваться на предмете своих размышлений, а потому я вскоре оставил все это и заснул.

– Что-нибудь получилось? – спросил меня дон Хуан, когда я проснулся через несколько часов.

После сна и отдыха мне не стало легче. Я по-прежнему чувствовал раздражение и потому рявкнул:

– Нет у меня никакого успеха!

– Ты слышал этот голос из глубины?

– Кажется, да, – соврал я.

– И что он тебе сказал? – спросил он настойчиво.

– Я не могу думать об этом, дон Хуан, – выдавил я из себя.

– Ага, ты уже вернулся в свое обычное осознание, – заметил он и сильно похлопал меня по спине. – Твое обычное сознание снова победило. Давай расслабим его, поговорив о твоей коллекции памятных событий. Я должен сказать тебе, что отбор событий для альбома – дело непростое. Вот почему я утверждаю, что этот альбом – сцена битвы. Тебе придется десять раз переделать себя, чтобы узнать, что именно выбирать.

И тут, пусть только на секунду, я вдруг ясно понял, что у меня действительно два сознания; но эта мысль лишь слегка скользнула по поверхности моего ума и сразу же исчезла. Осталось лишь ощущение неспособности выполнить требования дон Хуана. И вместо того чтобы снисходительно принять свою несостоятельность, я позволил ей испугать меня. Главным устремлением моей жизни в то время было всегда являться в хорошем свете. Потерпеть неудачу, проиграть – для меня это было нестерпимо. Не зная, как справиться с той задачей, которую ставил передо мной дон Хуан, я сделал то, что только и умел делать хорошо: разозлился.

– Мне надо еще многое обдумать относительно этого, дон Хуан, – сказал я. – Моему уму нужно дать какое-то время, чтобы он свыкся с этой идеей.

– Конечно, конечно, – успокоил меня дон Хуан. – Можешь ждать хоть всю жизнь, но все-таки поторопись.

В тот раз на эту тему больше ничего не было сказано. Вернувшись домой, я совершенно забыл обо всем этом. И вдруг однажды, сидя на какой-то лекции, я услышал внутренний властный приказ: искать памятные события своей жизни. «Услышал» – не совсем подходящее слово; это скорее было похоже на удар током или нервный спазм, который потряс все мое тело – от макушки до пят.

Я взялся за дело всерьез. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы перевернуть все переживания моей жизни, которые, по моему мнению, были важными. Но, осмотрев свою коллекцию, я понял, что имел дело лишь с идеями, не имевшими абсолютно никакой реальной значимости. Вспоминаемые мною события были не более чем абстрактными точками во времени. У меня возникло

чрезвычайно неприятное ощущение, что я пришел в мир только для того, чтобы действовать, не позволяя себе останавливаться и хоть что-то почувствовать.

Одним из забытых событий, которые я непременно хотел вспомнить, был день моего зачисления в аспирантуру Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). Но, как ни старался, я не мог вспомнить, что я делал в тот день. С ним не было связано ничего интересного, ничего особенного – вообще ничего, кроме самой мысли, что этот день должен быть памятным. Поступив в аспирантуру, я должен был радоваться и гордиться, но этого не было!

Другим экспонатом моей коллекции был тот день, когда я чуть не обвенчался с Кэй Кондор. Вообще-то у нее была другая фамилия, но она изменила ее на Кондор, потому что хотела стать актрисой. Ее козырной картой было внешнее сходство с Кэрол Ломбард. Тот день был памятным в моем сознании не столько из-за происшедших событий, сколько потому, что она была красива и хотела выйти за меня замуж. Она была на голову выше меня, что делало ее еще интереснее в моих глазах.

Меня волновала мысль о венчании в церкви с высокой женщиной. Я взял напрокат серый смокинг. Брюки были широковаты для моего роста. Не то чтобы висели колоколами, но были широковаты, и это очень меня беспокоило. Кроме брюк, меня раздражало то, что рукава розовой рубашки, которую я купил специально для этого случая, были на три дюйма длиннее, чем следовало; мне пришлось воспользоваться резиновыми держателями, чтобы подтянуть их повыше. А так вообще все шло прекрасно – до того момента, когда гости и я узнали, что Кэй Кондор передумала и не собирается приходить на свадьбу.

Будучи очень порядочной молодой леди, она прислала мне через мотокурьера записку с извинениями. В записке было сказано, что она, не приемля развода, не может связать свою судьбу с человеком, который не разделяет ее взглядов на жизнь. Она напомнила мне, что я всегда хихикал, произнося фамилию «Кондор», а это было знаком полного неуважения к ее личности. Она обсудила эту проблему со своей матерью. Обе они очень любят меня, но не настолько, чтобы принять в свою семью. Заканчивалась записка тем, что мы должны набраться смелости и мудрости и расстаться навсегда.

Состояние моего ума можно было охарактеризовать как «полное оцепенение». Пытаясь вспомнить тот день, я не мог понять, то ли я испытывал чудовищное унижение, оказавшись дурак дураком перед толпой людей в своем взятом

напрокат сером смокинге и слишком широких штанах, то ли был сокрушен тем, что Кэй Кондор не выходит за меня замуж.

Это были единственные два события, которые я мог четко выделить. Примеры довольно жалкие, но, покопавшись, мне удалось найти в них некий философский смысл. Мне показалось, что я похож на человека, который идет сквозь жизнь без единого подлинного чувства, измеряя все лишь интеллектуальной меркой. Подражая стилю дона Хуана, я придумал себе такое определение: «человек, проживающий свою жизнь косвенно, в терминах “как это должно быть”».

Я был уверен, например, что день моего поступления в аспирантуру UCLA должен быть памятным днем. Поскольку памятным он не был, я постарался искусственно наделить его значимостью, которой на самом деле не ощущал. То же можно сказать и о дне, когда я чуть не женился на Кэй Кондор. Кажется, это должно было стать для меня опустошительным переживанием, но не стало. В момент вспоминания этого события я понял, что в нем ничего нет, и сразу же начал усердно воссоздавать то, что я должен был чувствовать.

Приехав к дому дона Хуана, я представил ему свои два примера памятных событий.

– Это все чепуха, – заявил дон Хуан. – Никуда не годится. Такие истории связаны исключительно с тобой как с личностью, которая думает, чувствует, плачет или вообще ничего не чувствует. Памятные же события из альбома мага – это события, которые могут выдержать испытание временем, ибо они не имеют ничего общего с человеком, хотя человек и находится в самой их гуще. Он всегда будет в гуще событий, всю свою жизнь, а возможно и потом, но не вполне персонально.

Его слова привели меня в полное уныние. В то время я искренне считал дона Хуана вредным старикашкой, который получает особое удовольствие от того, что выставляет меня полным идиотом. Он напоминал мне преподавателя скульптуры из художественной школы, которую я когда-то посещал. Этот мастер обязательно подвергал критике все, что делали ученики, и в каждой работе находил изъяны. Затем он требовал, чтобы работы были исправлены соответственно его указаниям. Ученики отходили и делали вид, что подправляют что-то в своих скульптурах. Я вспоминал, каким самодовольством веяло от мастера, когда, осматривая якобы переделанные работы, он приговаривал: «Ну вот, теперь совсем другое дело!»

– Не унывай, – сказал дон Хуан, прерывая мои воспоминания. – В свое время я тоже через это прошел. Многие годы я не просто не знал, что выбрать, но думал, будто у меня просто нет переживаний, из которых можно выбирать. Мне казалось, что со мной вообще никогда ничего не происходило. Конечно же, происходили очень важные события, но, пока я старался защитить идею самого себя, у меня не было ни времени, ни расположения что-то замечать.

– Ты можешь конкретно сказать мне, дон Хуан, что не так с моими историями? Я знаю, что они – ничто, но остальная моя жизнь точно такая же.

– Я повторю тебе еще раз, – сказал он. – Истории из альбома война – не индивидуальные. Твоя история о том дне, когда тебя приняли в аспирантуру, – это не что иное, как твоя претензия на то, что ты – центр всего. Ты чувствуешь, ты не чувствуешь. Ты сознаешь, ты не сознаешь. Понимаешь, что я имею в виду? Вся эта история – это ты сам!

– Но может ли быть иначе, дон Хуан? – спросил я.

– В другой истории ты уже почти коснулся того, о чем я говорил, но снова превратил это в нечто в высшей степени персональное. Я знаю, что ты мог бы добавить еще больше деталей, но все эти детали были бы просто продолжением твоей персоны.

– Я на самом деле не могу понять, о чем ты, дон Хуан, – возразил я. – Любая история, увиденная глазами свидетеля, по определению должна быть персональной.

– Да-да, конечно, – сказал он с улыбкой, как всегда, наслаждаясь моим смущением. – Но тогда это история не для альбома война, а для какой-то другой цели. Памятные события, которые мы ищем, несут на себе темное касание беспристрастности. Они пропитаны ею. Я не знаю, как еще объяснить это.

В этот момент меня как будто озарило, и я понял, что он имел в виду под «темным касанием беспристрастности». Мне показалось, что он имел в виду нечто зловещее. Зловещее значение для меня имела темнота. Я тут же рассказал дону Хуану историю из моего детства.

Один из моих старших кузенов был интерном в медицинской школе. Однажды он привел меня в морг, убедив предварительно, что молодому человеку совершенно необходимо увидеть мертвецов; это зрелище очень поучительно, ибо демонстрирует бренность жизни. Он снова и снова приставал ко мне, уговаривая сходить в морг. Чем больше он рассказывал о том, какими незначительными становимся мы после смерти, тем более возрастало мое любопытство. Мне еще никогда не приходилось видеть труп. В конце концов любопытство победило, и я пошел с ним.

Он показал мне разные трупы, и ему удалось испугать меня до бесчувствия. Мне показалось, что в трупах нет ничего поучительного или просветляющего. Но они действительно были самым пугающим зрелищем, которое я когда-либо видел. Брат все время поглядывал на часы, словно кого-то ждал. Он явно хотел продержатъ меня в морге дольше, чем позволяли мои силы. Будучи по натуре честолюбивым, я был уверен, что он испытывает мою выдержку, мое мужество. Стиснув зубы, я поклялся себе терпеть до самого конца.

Но такой конец мне не снился и в кошмарном сне. На моих глазах один труп, накрытый простыней, вдруг пошевелился на мраморном столе, как будто собирался встать. Он издал мощный рыгающий звук, который прожег меня насквозь. Он останется в моей памяти до конца жизни. Позже двоюродный брат, ученый-медик, объяснил мне, что это был труп человека, умершего от туберкулеза. У таких трупов все легкие изъедены бациллами и остаются огромные дыры, заполненные воздухом. Когда температура воздуха изменяется, это иногда заставляет тело изгибаться, словно оно пытается встать, что и произошло в данном случае.

– Нет, это еще не то, – сказал дон Хуан, качая головой из стороны в сторону. – Это просто история о твоём страхе. Я бы и сам испугался до смерти, но такой страх никому не освещает путь. Впрочем, мне было бы интересно узнать, что случилось с тобой дальше.

– Я завопил, как баньши[2 - Баньши (ирл., шотл.) – привидение, завывания которого под окнами дома предвещают обитателю этого дома смерть. – Прим. ред.], – сказал я, – а мой брат назвал меня трусом и сопляком, который от страха чуть не обделался.

Я явно зацепил какой-то темный слой своей жизни. Следующий случай, который я вспомнил, был связан с шестнадцатилетним парнем из нашей школы, который

страдал каким-то расстройством желез и имел гигантский рост. Но его сердце не успевало расти вместе с остальным телом, и однажды он умер от сердечного приступа. Из какого-то нездорового юношеского любопытства мы с одним товарищем пошли посмотреть, как его будут укладывать в гроб. Похоронных дел мастер, который, пожалуй, был еще более патологичен, чем мы, впустил нас в свою каморку и продемонстрировал свой шедевр. Он уместил огромного парня, рост которого превышал семь футов и семь дюймов, в гроб для обычного человека, отпилив ему ноги! Мастер показал нам, как он пристроил ноги в гробу – мертвый юноша обнимал их руками, словно трофеи.

Ужас, который я тогда пережил, был по силе сравним с тем, что я испытал в детстве при посещении морга, но этот новый страх был не физической реакцией, а психологическим переворотом.

– Уже ближе, – сказал дон Хуан, – но и эта история еще слишком личная. Она отвратительна. Меня от нее тошнит, но в ней я вижу большой потенциал.

Мы с доном Хуаном посмеялись над тем, какой ужас содержится в ситуациях повседневной жизни. К этому времени я уже окончательно погрузился в самые мрачные воспоминания и рассказал дону Хуану о моем лучшем друге, Рое Голдписсе. Вообще-то у него была польская фамилия, но друзья дали ему прозвище Голдписс, потому что, чего бы он ни коснулся, все превращалось в золото; он был прирожденным бизнесменом. Но талант к бизнесу превратил его в сверхамбициозного человека. Он хотел стать первым богачом мира. Оказалось же, что конкуренция на этом поприще слишком жесткая. Голдписс жаловался, что, делая свой бизнес в одиночку, он не мог тягаться с лидером некоей исламской секты, которому каждый год жертвовали столько золота, сколько он сам весил. Перед взвешиванием этот лидер секты старался съесть и выпить столько, сколько позволял его желудок.

Итак, мой друг Рой немного опустил планку и решил стать самым богатым человеком в Соединенных Штатах. Но и на этом уровне конкуренция была просто бешеная. Он спустился еще ниже: уж в Калифорнии-то он сможет стать самым богатым человеком. Однако и тут он опоздал. И он отказался от мысли, что со своей сетью киосков, торгующих пиццей и мороженым, он сможет соперничать с уважаемыми семьями, которые владеют Калифорнией. Он настроился на то, чтобы быть первым воротилой в Вудленд-Хилс, его родном пригороде Лос-Анджелеса. Но, к несчастью для него, на одной с ним улице жил мистер Марш, владевший фабриками по производству лучших в Америке

матрасов, невообразимый богач. Разочарованию Роя не было пределов. Он так страдал, что в конце концов просто угробил свое здоровье. Однажды он умер от аневризмы мозга.

Его смерть стала причиной моего третьего визита в покойницкую. Жена Роя попросила меня, его лучшего друга, позаботиться о том, чтобы труп был должным образом обряжен. Я отправился в погребальную контору, а там секретарь провел меня во внутреннее помещение. Когда я вошел, мастер как раз хлопотал вокруг своего высокого мраморного стола. Он с силой толкал двумя пальцами вверх уголки уже застывшего рта покойника. Когда наконец на мертвом лице Роя появилась гротескная улыбка, мастер повернулся ко мне и сказал подобострастно:

– Надеюсь, вы будете довольны, сэр.

Жена Роя – мы уже никогда не узнаем, любила она его или нет, – решила похоронить его со всей пышностью, какой он заслуживал. Она заказала очень дорогой гроб, похожий на телефонную будку; фасон она позаимствовала из кинофильма. Роя должны были похоронить в сидячем положении, как будто он ведет деловые переговоры по телефону.

Я не остался на похороны. Уехал с очень тяжелым чувством, смесью бессилия и злости – такой злости, которую не изольешь ни на кого.

– Да, сегодня ты действительно мрачен, как никогда, – заметил дон Хуан, смеясь, – но, несмотря на это, – а может, и благодаря этому, – ты почти у цели. Уже подошел вплотную.

Я не уставал удивляться тому, как менялось мое настроение при каждой встрече с доном Хуаном. Приезжал я расстроенный, брюзжащий и мнительный. Но через некоторое время мое настроение чудесным образом менялось, я становился все более экспансивным, а затем вдруг успокаивался – таким спокойным я никогда не бывал в повседневной жизни. Мое новое настроение отражалось и на моей речи. Обычно я говорил как глубоко неудовлетворенный человек, хотя и сдерживающийся, чтобы не начать жаловаться вслух, но жалобным был уже сам голос.

– А ты можешь привести мне пример памятного события из своего альбома, дон Хуан? – спросил я в привычном тоне скрытой жалобы. – Если бы я знал, что тебе нужно, мне было бы легче. Пока что я просто блуждаю в потемках.

– Не объясняй слишком много, – сказал дон Хуан, сурово взглянув на меня. – Маги говорят, что в каждом объяснении скрывается извинение. Так что, когда ты объясняешь, почему ты не можешь делать то или другое, на самом деле ты извиняешься за свои недостатки, надеясь, что слушающие тебя будут добры и простят их.

Когда на меня нападают, мой любимый защитный маневр – демонстративно не слушать нападающего. У дон Хуана, однако, была отвратительная способность захватывать все мое внимание без остатка. Атакуя меня, он всегда умудрялся заставить меня слушать каждое его слово. Вот и сейчас пришлось выслушать все, что он сказал обо мне. И, хотя его слова не доставили мне ни малейшего удовольствия, это была чистая правда.

Я избегал его глаз. Как обычно, я чувствовал себя под угрозой, но на этот раз угроза была особенной. Она не беспокоила меня так сильно, как беспокоила бы в повседневной жизни или сразу после моего появления в доме дон Хуана.

После долгого молчания дон Хуан снова заговорил.

– Я не буду приводить тебе пример памятного события из моего альбома, – сказал он. – Я сделаю лучше: назову тебе памятное событие из твоей собственной жизни; оно, несомненно, подойдет для твоей коллекции. Или, скажем так, на твоём месте я бы обязательно поместил его в свою коллекцию памятных событий.

Я подумал, что дон Хуан шутит, и глупо засмеялся.

– Тут не над чем смеяться, – отрезал он. – Я говорю серьезно. Когда-то ты рассказал мне историю, которая попадает в самую точку.

– Что это за история, дон Хуан?

– О фигурах перед зеркалом, – сказал он. – Расскажи-ка мне ее еще раз. Но расскажи со всеми подробностями, какие сможешь вспомнить.

Я начал кратко пересказывать эту старую историю. Дон Хуан остановил меня и потребовал тщательного, подробного изложения с самого начала. Я попробовал еще раз, но краткость моего пересказа не устраивала его.

– Давай прогуляемся, – предложил он. – Когда ты идешь, ты можешь быть гораздо точнее, чем когда сидишь. Это весьма неглупая идея – прохаживаться туда-сюда, когда что-то рассказываешь.

Мы сидели, как и всегда днем, под навесом его рамады. У меня уже сложилась привычка сидеть на определенном месте, прислонившись спиной к стене. Дон Хуан садился каждый раз на другом месте.

Мы вышли на прогулку в худшее время дня: в полдень. Дон Хуан снабдил меня старой соломенной шляпой, как всегда, когда мы выходили на солнцепек. Долгое время мы шли в полном молчании. Я изо всех сил старался вспомнить все подробности своей истории. Было уже около трех часов, когда мы сели в тени кустов, и я наконец рассказал дону Хуану эту историю.

Когда я много лет назад изучал скульптуру в школе изящных искусств в Италии, у меня был друг-шотландец, который учился на искусствоведа. Самой характерной его чертой было потрясающее самомнение; он считал себя самым одаренным, сильным, неутомимым ученым и художником, ну просто деятелем эпохи Возрождения. Одаренным он действительно был, но творческая мощь как-то совершенно не вязалась с его костлявой, сухой, унылой фигурой. Он был усердным почитателем английского философа Бертрана Рассела и мечтал применить принципы логического позитивизма к искусствоведению. Его воображаемая неутомимость была, пожалуй, его самой нелепой фантазией, ибо на самом деле он обожал тянуть резину; работа для него была каторгой.

Фактически, он был великим специалистом не по искусствоведению, а по проституткам из местных борделей, которых он знал множество. О своих похождениях он давал мне яркие и подробные отчеты – по его словам, чтобы держать меня в курсе чудесных событий, происходящих в мире его специальности. Поэтому я не удивился, когда однажды он ввалился в мою комнату крайне возбужденный, запыхавшийся и сказал мне, что с ним

произошло нечто чрезвычайное и он хотел бы поделиться со мной.

– Слушай, старина, ты должен сам это увидеть! – заявил он возбужденно, с оксфордским акцентом, который у него всегда проявлялся при общении со мной. Он нервно зашагал по комнате. – Это трудно описать, но я знаю: это нечто такое, что ты сможешь оценить. Нечто такое, что ты запомнишь надолго. Я хочу преподнести тебе замечательный подарок на всю жизнь. Понимаешь?

Я понимал, что он был истеричным шотландцем. Я всегда посмеивался над ним и следил за его приключениями. И ни разу не пожалел об этом.

– Успокойся, успокойся, Эдди, – сказал я. – Что ты хочешь мне рассказать?

Он сообщил, что только что был в борделе и познакомился там с невероятной женщиной, умеющей делать невообразимую штуку, которую она называет «фигурами перед зеркалом». Он снова и снова убеждал меня, что я просто обязан пережить это невероятное событие на собственном опыте.

– Слушай, не думай о деньгах! – сказал он, зная, что денег у меня нет. – Все уже оплачено. Все, что от тебя требуется, – это пойти со мной. Мадам Людмила покажет тебе свои фигуры перед зеркалом. Это просто ураган!

В припадке безудержного восторга Эдди залился смехом, обнажив свои плохие зубы, которые он обычно прятал.

– Слушай, это фантастика, это абсолютно грандиозно!

Мое любопытство разгоралось с каждой минутой. Я был готов принять участие в его новом развлечении. Вскоре Эдди уже вез меня на своей машине к окраине города. Он остановился перед пыльным, неухоженным, облупленным зданием. Когда-то, похоже, это был отель, а затем его переделали в многоквартирный дом. По всему фасаду тянулись ряды грязных балконов, уставленных цветочными горшками и обвешенных сохнувшими коврами.

У подъезда стояли две темные, подозрительного вида фигуры, обменявшиеся с Эдди бурными приветствиями. У них были черные бегающие глаза и туфли с острыми носками – как мне показалось, чересчур тесные. Одеты они были в

блестящие голубые костюмы, тоже слишком тесные для их мясистых тел. Один из этих людей открыл перед Эдди дверь. На меня они даже и не взглянули.

Мы поднялись на два пролета по обветшавшей лестнице, которая когда-то была роскошной. Эдди уверенно шел по пустому гостиничному коридору с дверьми на обе стороны. Все двери были окрашены в одинаковый темный оливково-зеленый цвет. На каждой двери был латунный номер, потемневший от времени и почти неразличимый на крашеном дереве.

Наконец Эдди остановился перед одной из дверей. Я запомнил номер: 112. Эдди несколько раз постучал. Дверь открылась, и круглая, низкорослая крашеная блондинка молча, жестом пригласила нас войти. На ней был красный шелковый халат с какими-то разлетающимися перьями на рукавах и шлепанцы с меховыми помпонами. Когда мы вошли в маленькую прихожую, женщина поздоровалась с Эдди по-английски, с сильным акцентом.

- Привет, Эдди. Привел друга, э?

Эдди пожал ей руку, а затем галантно поцеловал ее. Он держал себя так, словно был совершенно спокоен, но по некоторым его бессознательным жестам я заметил, что он сильно нервничает.

- Как дела сегодня, мадам Людмила? - спросил он, стараясь произносить звуки как американец и смазывая их.

Я так и не понял, почему Эдди в домах терпимости всегда изображал из себя американца. Подозреваю, из-за того, что американцев считают богачами, а Эдди стремился утвердиться в этой среде.

Он повернулся ко мне и произнес с нарочитым американским акцентом:

- Оставляю тебя в хороших руках, малыш.

Это прозвучало так высокопарно и странно для моего слуха, что я громко рассмеялся. Мадам Людмила на мой взрыв веселья никак не отреагировала. Эдди еще раз поцеловал ей руку и вышел.

– Говоришь английски, мой мальшик? – заорала мадам, словно подозревала во мне глухого. – Ты похож ехиптянин, или нет, турок.

Я заверил мадам Людмиллу, что я ни то, ни другое и что я говорю по-английски. Тогда она спросила, нравятся ли мне фигуры перед зеркалом. Я не знал, что сказать, и лишь кивнул головой.

– Я даю тебе хорошее шоу, – заверила меня она. – Фигуры перед зеркалом – это только начало. Когда ты станешь горячий и готовый, скажи мне остановиться.

Из маленькой прихожей мы прошли в темную комнату. Окна были плотно завешены. На стенах – несколько светильников с тусклыми лампочками. Лампочки имели форму трубок и торчали из стен под прямым углом. В комнате было много разных предметов: какие-то ящики от комода, старинные столики и стулья, письменный стол у стены, заваленный бумагой, карандашами, линейками и по меньшей мере дюжиной разных ножниц. Мадам Людмила заставила меня сесть на старый мягкий стул.

– Кровать в той комнате, дорогой, – сказала она, указывая куда-то в другой конец комнаты. – А здесь моя антизала. Здесь я даю шоу, чтобы ты стал горячий и готовый.

Она сбросила красный халат, стряхнула с ног тапочки и распахнула створки двух высоких трюмо, стоявших рядом у стены. Образовалась большая зеркальная поверхность.

– А теперь музыка, мой мальчик, – сказала мадам Людмила и завела допотопную виктрону, которая, однако, сияла как новенькая. Заиграла пластинка. Мелодия была какая-то разухабистая, напоминавшая цирковой марш.

– А теперь шоу, – и она начала кружиться под аккомпанемент цирковой музыки. Кожа у мадам Людмиллы была очень плотная и чрезвычайно белая, хотя она была уже немолода. Должно быть, ей было под пятьдесят. Ее живот уже чуть обвис, как и объемистые груди. У нее был небольшой нос и ярко накрашенные красные губы. Она использовала густую черную тушь для ресниц. В общем, это был хрестоматийный образец стареющей проститутки. Но было в ней и что-то детское, по-девичьи непосредственное и трогательное.

– А теперь – фигуры перед зеркалом, – объявила мадам Людмила. Музыка продолжала греметь.

– Нога, нога, нога, – говорила она, выбрасывая ноги вперед и вверх – сначала одну, потом другую, в такт музыке. Правую руку она положила на макушку, словно маленькая девочка, которая не уверена, что сможет выполнить сложное движение.

– Поворот, поворот, поворот, – пропела она, вращаясь, как волчок.

– Зад, зад, зад, – сказала она, показывая мне свою голую заднюю часть, как это делают в канкане.

Эту последовательность она повторяла снова и снова, пока музыка не начала затихать. Пружина виолы разматывалась. У меня появилось ощущение, что мадам Людмила уходит куда-то вдаль, становясь все меньше по мере того, как затихала музыка. Какое-то отчаяние и одиночество – я и не знал, что такие чувства живут во мне, – вырвались из самых глубин моего существа на поверхность и заставили меня вскочить и выбежать из комнаты. Как безумный, я скатился вниз по лестнице и вылетел из дома на улицу.

Эдди стоял у подъезда, беседуя с двумя мужчинами в блестящих голубых костюмах. Увидев, как я выбежал, он начал надрывно хохотать.

– Ну как, круто? – спросил он, по-прежнему стараясь говорить как американец. – «Фигуры перед зеркалом – это только начало». Какой класс! Какой класс!

Рассказывая эту историю дону Хуану в первый раз, я упомянул, что на меня произвели очень глубокое впечатление цирковая мелодия и старая проститутка, неуклюже кружащаяся под эту музыку. И еще мне было очень неприятно осознать, насколько бездушен мой друг.

Когда я закончил рассказывать об этом случае во второй раз – в этих сонорских предгорьях, – я весь дрожал. На меня загадочным образом воздействовало нечто совершенно неопределенное.

– Эта история, – сказал дон Хуан, – должна войти в твой альбом памятных событий. Твой друг, сам того не подозревая, дал тебе, как он правильно заметил, нечто такое, что останется с тобой на всю жизнь.

– Для меня это просто грустная история, дон Хуан, но и только, – заявил я.

– Она действительно грустна, как и другие твои истории, – ответил дон Хуан, – но она совсем другая, она может быть памятной для тебя, потому что затрагивает каждого из нас, людей, а не только тебя, в отличие от других твоих сказок. Видишь ли, как и мадам Людмила, мы все – старые и молодые – делаем свои «фигуры перед зеркалом», того или иного рода. Вспомни все, что ты знаешь о людях. Подумай о людях на этой Земле, и ты поймешь без тени сомнения: не важно, кто они или что бы они о себе ни думали, чем бы ни занимались, результат их действий всегда один и тот же: бессмысленные фигуры перед зеркалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь: to groom – ходить за лошадей, чистить лошадь, ухаживать, холить (англ.); готовить к определенному рода деятельности (амер.). – Прим. ред.

2

Баньши (ирл., шотл.) – привидение, завывания которого под окнами дома предвещают обитателю этого дома смерть. – Прим. ред.

Купить: <https://tellnovel.com/karlos-sezar-arana-kastaneda/aktivnaya-storona-beskonechnosti>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)